ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 811.161.1 **К. В. Нестеренко**

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СУД» В РАССКАЗАХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ

К. В. НЕСТЕРЕНКО. РЕПРЕЗЕНТАЦІЯ КОНЦЕПТУ «СУД» В ОПОВІДАННЯХ РОСІЙСЬКИХ ПИСЬМЕННИКІВ КІНЦЯ X1X – ПОЧАТКУ XX ВІКІВ.

Мета статті – аналіз репрезентації концепту «суд», який є важливою складовою цілісної правової картини світу, в оповіданнях російських письменників. В аспектах зображення і художніх характеристиках цієї суспільної інституції також виявляються індивідуально-авторські погляди і ідеї письменників. Для Чехова опис суду – це можливість показати людські типи і соціальні ситуації. Андрєєв викриває рутинність судової тяганини, суспільне і церковне лицемірство щодо долі людини, яка стоїть перед судом, обмеженість людей, занятих у судочинстві. Купрін також вимальовує формальну і бездушну процедуру суду, але й показує, яким насправді може бути суд – справедливим і неупередженим.

Ключові слова: концепт, суд, репрезентація, правова картина світу, авторська характеристика, оповідання.

К. В. НЕСТЕРЕНКО. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «СУД» В РАССКАЗАХ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ КОНЦА X1X – НАЧАЛА XX ВЕКОВ.

Цель статьи – анализ репрезентации концепта «суд» как важнейшей составляющей целостной правовой картины мира в рассказах русских писателей. В аспектах изображения и художественных характеристиках данного общественного института проявляются индивидуально-авторские взгляды и идеи писателей. Для Чехова описание суда – это возможность показать человеческие типы и социальные ситуации. Андреев вскрывает рутину судебных тяжб, общественное и церковное лицемерие, ограниченность людей, занятых в судопроизводстве. Куприн также изображает формальную и бездушную процедуру суда, но и показывает, каким на самом деле может быть суд – справедливым и непредвзятым.

Ключевые слова: концепт, суд, репрезентация, правовая картина мира, авторская характеристика, рассказ.

K. V. NESTERENKO. REPRESENTATION OF THE CONCEPTS "COURT, TRIAL" IN THE SHORT STORIES BY RUSSIAN WRITERS OF THE END OF THE 19th – THE BEGGINNING OF THE 20th CENTURIES.

The article aims to analyze the representation of the concept "court and trial" in the short stories by the Russian authors of the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries. The concept "court and trial" is the main component of the whole legal worldview. Analysis of the ways and aspects of the material the authors depict, the characters choice and description of trials can also be the characteristics of the author's individual style and worldview. The period of the end of the 19th – the beginning of the 20th centuries in Russian literature is marked with the prominent examples of realistic description of life and people in different literary genres. There also a great social impact of the literature of the stated period should be considered that can mean the development of social and legal awareness. The genre of short story allows concentrating on a particular character or episode and assessing it by the means of artistic description. The short stories by A. Chekhov, L. Andreev and A. Kuprin have their individual specifics, style and grounds for writing. That is what unites them is not only the period of creation, literary and historic meaning, but the attitude to the court and trial, the ability of the authors to see and to depict different sides in court functioning and trials of the Imperial

---

© К. В. Нестеренко, 2018
http://doi.org/10.5281/zenodo.1243646

Russia. As the analysis showed Chekhov described courts and trials to show different social types and situations. Andreev revealed routine character of the litigations, social and clerical hypocrisy and narrow-mindedness of the people involved in them. Kuprin also underlines formal and routine legal procedure but at the same time finds a character who represents just and impartial trial.

Key words: concept, court and trial, representation, legal worldview, author's individual characteristics, short story.

Объектом анализа в предлагаемой статье выступает суд, то, как он изображен в рассказах русских писателей конца Х1Х – начала ХХ веков.

Суд является ключевой составляющей правовой картины мира, а его изображение в совокупности с оценочными характеристиками, формирующимися в результате восприятия произведения, помогает представить то, каким он виделся выдающимся представителям культуры (литературы) того времени. Именно благодаря их произведениям и научным правовым воззрениям можно более или менее целостно представить правовую картину мира определенного периода и места, иметь материал для воссоздания национальной картины мира (Вежбицка А., Гачев Г. Д., Корнилов О. А., Попова З. Д., Стернин И. А. и др.). Кроме того, подробный анализ определенного объекта и особенностей формирования связанной с ним индивидуальной образности в художественных произведениях поможет дополнить данные об индивидуальной картине мира того или иного писателя.

Представления о таком важном государственном и общественном институте как суд существуют как в общественном, так и в индивидуальном сознании. Его культурное значение, репрезентированное в концепте «суд», менялось с развитием общества и самого этого института [5].

Суд в его разных проявлениях, как государственное учреждение и как возможность высшей, самой справедливой оценки человеческих деяний и мыслей, заключенной в его религиозной составляющей, описан во многих произведениях литературы, начиная с устного народного творчества, и заканчивая масштабными произведениями, такими, как романы Ф. М. Достоевского и Л. Н. Толстого. Во многих произведениях русской литературы конца XIX – начала ХХ века суд часто является либо непосредственным предметом изображения, либо местом, где наиболее очевидно проявляются характеры героев и раскрываются идеи произведения.

Выдающийся юрист XIX А. Ф. Кони отмечал заслуги Ф. М. Достоевского, раскрывавшего тему суда в своих произведениях [3]. О теме суда в произведениях русских писателей Х1Х века (начиная от А. Н. Радищева и заканчивая Ф. М. Достоевским и Л. Н. Толстым), писал в свое время И. Т. Голяков. Его книга состоит из 14 статей, в которых оценивается вклад писателей в развитие правовых взглядов общества того времени, анализируются их произведения, в которых затронута тема суда и права, их художественные образы и концепции [2].

Понятия «суд», «судить» содержат в себе много значений – суд как государственное учреждение и процесс разбирательства в нем, и суд, как религиозное понятие, связанное с концепцией Страшного суда [8]. То есть, суд в совокупности понятий – это не только государственное учреждение и разбирательство в нем гражданских и уголовных дел, но также и людской суд (значения «судить» – оценивать поступки людей), и Божий суд, неподвластный человеческим суждениям, и Страшный суд, где всем воздастся на деяния их.

Цель данной статьи – на основе текстологического анализа рассказов А. П. Чехова, Л. Андреева и А. И. Куприна рассмотреть репрезентацию концепта «суд» в их произведениях и сделать выводы о его индивидуально-авторском и национально-специфическом воплощении. Такие выводы могут служить материалом для сопоставления национально и культурно-специфических представлений о суде в условиях развивающейся в современном мире межкультурной коммуникации.

Рассказы писателей, чьи произведения выбраны для анализа, имеют свою специфику, индивидуальный стиль и условия написания. Их объединяет период создания и литературно-историческая значимость.

О том, что концепт «суд» репрезентирован в определенных рассказах, можно судить, например, по заглавию, аккумулирующему главную идею и смысл произведения, а также на

основании всего содержания и экспликации смысла после прочтения произведения. Некоторые рассказы своим заглавием уже соотносят читателей с определенным смыслом.

Так, один из рассказов А. П. Чехова называется «Случай из судебной практики» (1883) относится к ранним юмористическим рассказам писателя. Как известно, сам жанр рассказа предполагает наличие одного главного героя, какого-то важного события, благодаря которому раскрывается его характер и делаются важные выводы.

В рассказе дело происходит в Н–ском окружном суде. Судят Сидора Шельмецова. Фамилия героя является говорящей, то есть, как сразу может судить читатель, судят действительно вора и мошенника. Такой вывод подкрепляется и описанием внешности героя, это *малый лет тридцати, с цыганским подвижным лицом и плутоватыми глазками*. Участники судебного процесса представлены в рассказе с помощью стереотипных для такого типа людей, характеристик. Так, об адвокате сказано: *Защищал же знаменитейший и популярнейший адвокат. Этого адвоката знает весь свет. Чудные речи его цитируются, фамилия его произносится с благоговением*. Товарищ прокурора охарактеризован следующим образом: *Обвинял товарищ прокурора. Имя сему товарищу – легион. Особенных примет и качеств, дающих популярность и солидный гонорарий, он за собой ведать не ведает: подобен себе подобным.* Такое нарочитое использование стереотипных характеристик формирует в рассказе иронию.

Из основных участников суда наиболее иронично в рассказе показан адвокат. Ирония формируется за счет преувеличений. Если в обыденном представлении адвокат обязательно должен быть знаменитым и произносить блестящие речи, то и в рассказе Чехова адвокат также охарактеризован как не просто знаменитый, а *знаменитейший и популярнейший*. «Знаменитый» адвокат, как и положено, эмоционально произносит речь, апеллируя к чувствам и эмоциям присутствующих в зале суда. Даже его поза во время произнесения речи – ораторская, с жестикуляцией.

Реакция на речь адвоката всех присутствовавших в зале описана соответствующим образом: все напряглись от напряжения, слушая его, потом начались всхлипывания, слезы, некоторых дам вынесли из залы. Словом, как следует из развития сюжета, апелляция адвоката к чувствам присяжных достигла цели. Расчувствовался и сам обвиняемый Шельмецов и сознался: *– Виноват! – заговорил он, перебивая защитника. – Виноват! Сознаю свою вину! Украл и мошенства строил! Окаянный я человек! Деньги я из сундука взял, а шубу краденую велел своячнице спрятать… Каюсь! Во всем виноват!* Юмористический и иронический эффект в произведении создается на основе гиперболизированного использования стереотипов.

В репрезентации концепта «суд» в еще одном рассказе А. П. Чехова «В суде» (1886) важным оказываются описания, а именно: описание здания окружного суда в провинциальном городке, описание однообразной и унылой работы суда и людей, представляющих правосудие. Сюжет рассказа в данном случае играет второстепенную роль.

Использованные для описания стилистико-речевые средства подчеркивают унылость и монотонность работы суда, полное отсутствие комфорта, а также монотонность и равнодушие людей, отправляющих правосудие: *дела замелькали одно за другим и кончались быстро, как обедня без певчих, так что никакой ум не смог бы составить себе цельного, картинного впечатления от всей этой пестрой, бегущей, как полая вода, массы лиц, движений, речей, несчастий, правды, лжи….* Кроме того, благодаря описаниям, обобщается и типизируется характер работы подобных учреждений. Например, описание здания суда, в котором размещены все казенные учреждения города – и земская управа, и разные присутствия, и отделение окружного суда – здания казарменного вида, всегда покрытые густой тенью, с вечно потными стенами и пр.

Участники судебного разбирательства в рассказе абсолютно безучастны к делу, каждый занят своими собственными размышлениями. Так, товарищ прокурора – *сидел неподвижно, как статуя* и читал байроновского «Каина» (аллюзия), председатель с утомленным лицом *сидел в своем кресле, не шевелясь,…о чем-то думал*. Защитник, *молодой, безбородый кандидат на судебные должности… водил по столу тупым концом карандаша и, склонив голову набок, думал… Его молодое лицо не выражало ничего, кроме неподвижной, холодной скуки, какая бывает на лицах школьников и людей служащих, изо дня в день обязанных сидеть на одном и том же месте, видеть все те же лица, те же стены…*

С одной стороны, складывается определенная картина работы суда. С другой стороны, вся эта окружающая безучастность, скука и монотонность по законам жанра рассказа должна прерваться каким-то необычным действием, явлением или высказыванием. Таким действием в рассказе «В суде» является обращение подсудимого к солдатику, охраняющему его, оказавшимся его сыном.

Концепт «суд» в данном рассказе репрезентирован с помощью описаний судебной процедуры, участников судебного процесса, формально и монотонно выполняющих свои функции.

В рассказах А. П. Чехова не только представлены человеческие типы и социальные ситуации, в них также содержится важный подтекст, о котором писали практически все исследователи творчества писателя. В. Тюпа даже предложил классификацию чеховских рассказов, разделив их на анекдот и притчу [6].

Несколько рассказов Л. Андреева также посвящены суду и его участникам. Материалом для рассказов писателя стал его опыт работы помощником присяжного поверенного после окончания юридического факультета, а также работы судебным репортером в газете «Курьер» в начале писательской карьеры.

Рассказ «Первый гонорар», как предполагает название, повествует о первом деле его героя, Толпенникова, помощника присяжного поверенного. Рассказ ведется повествователем от третьего лица и содержит авторскую оценку, авторские ремарки, описывающие состояние главного героя. Также смысл формируется на основе реплик самих героев.

Герои рассказа «Первый гонорар» – адвокаты. Молодой Толпенников готовится вести свое первое дело в суде. Он взволнован, и его волнение объясняется неопытностью и юношеским максимализмом, желанием добиваться справедливости. Однако юношеский максимализм рушится о реальность, когда он понимает, что суд с его помощью оправдал мошенников. Толпенников второпях и мимоходом получает гонорар в виде нескольких золотых монет. В рассказе описано эмоциональное состояние молодого адвоката, который вместо удовлетворения от работы ощущает брезгливость и отвращение. Его успокаивает его патрон, опытный адвокат Алексей Семенович. Когда Толпенников подробно рассказывает патрону о ходе суда и эмоционально выкрикивает, что его подзащитная в действительности виновна, Алексей Семенович философски замечает: – *В действительности! … Откуда мы можем знать, что происходит в действительности? Может быть, там черт знает что, в этой действительности. И нет никакой действительности, а есть очевидность*», «*А действительность оставьте, нет никакой действительности*.

В рассказе «Первый гонорар» четко выделяются несколько художественных образов, которые помогают формированию концепта «суд», и которые в содержании рассказа приобретают значение символа. Это образ холодных рук Алексея Семеновича, его усталые, медленные жесты. Возбужденному, радостному, горячему состоянию молодого юриста перед его первым делом противопоставляется холодность, рассудительность, неторопливость умудренного патрона. Эти образы повторяются на протяжении всего рассказа и контрастируют с описанием состояния молодого адвоката. Прием контраста в рассказе является основным не только на уровне создания образа, а и в формировании понятийной составляющей концепта «суд» о справедливости вынесения судебных решений, а также философских представлений о том, что есть реальное и очевидное.

Прием контраста использован Андреевым и в рассказе «Защита» (1898). Оба его героя – молодые адвокаты – Андрей Павлович Колосов и его коллега Померанцев. Контрастно описаны их внешность, поведение, психологический тип. Колосов – *высокий, худощавый блондин*, много работающий (*целую неделю не вылезает он из фрака*), озабоченный семейными делами, волнующийся перед каждым делом. Померанцев же, *красивый брюнет, подвижной, говорливый и жизнерадостный, но несколько шумный и надоедливый*. Померанцев – из богатой семьи, баловень судьбы, *по рельсам катился к славе и деньгам*. Померанцев, в отличие от Колосова, уверен в себе, смел и пронырлив. На суде Колосов ведет себя слишком эмоционально и, в результате, неудачно произносит защитительную речь. Эмоции Колосова проявляются в его внутренней речи, которая изобилует отрывистыми фразами, вопросительно-восклицательными и неполными предложениями. Его речь перед судьями и присяжными

навеяла на них тоску. Померанцев же, наоборот, ловко провел допрос свидетелей, умело апеллировал к присяжным и вел себя уверенно профессионально.

Главным действующим лицом является Колосов, и повествование, которое ведет рассказчик, сосредоточено именно на нем. При описании ситуации происходит объединение, слияние, авторского повествования с описанием образа мыслей главного героя. Таким образом достигается высокая степень доверия к действиям и мыслям героя. Оценочные слова *жестокие* (душевные страдания), *презренное и жалкое* (создание) и пр. одновременно могут выражать точку зрения как автора рассказа, так и его героя.

Картина самого суда в рассказе также складывается через видение его главным героем и повествователем, которые накладываются друг на друга. Читатель видит суд как медленное, тягучее действо, утомляющее всех его участников: *Перед все более туманившимися глазами Колосова проходили вежливые, многоречивые и благообразные содержатели кабаков… Они загромождали свою речь тысячью мелких подробностей… Присяжные скучали, позевывали… Председатель перестает следить за речью и о чем-то перешептывается с членом суда*. Человек, его обстоятельства, а также истинные обстоятельства дела не интересуют формальную процедуру суда, в котором зачастую выигрывают профессионализм и приемы адвокатов.

Процессуальным вопросам суда посвящен и рассказ Л. Андреева «Христиане», в основе которого – сюжет из реальной жизни [7]. В одном из судебных очерков, напечатанных в «Русских ведомостях», его автор рассказывал, как во время судебного разбирательства одна из свидетельниц отказалась присягать, заявив, что она проститутка, то есть, нечистая, и поэтому не достойна присягать на Евангелии.

Андреев показывает суд как действо, похожее на актерское: *…в здании суда было тепло, оживленно и весело для тех, кто привык ежедневно, по службе, посещать этот большой дом, встречать знакомые лица, раскрывать всю ту же чернильницу и макать в неё все то же перо. Перед глазами, как в театре, разыгрывались драмы, - они так и назывались «судебные драмы – и приятно видеть было и публику, и слушать живой шум в коридорах, и играть самому*. Слово *драма* в этом случае становится объемным, поскольку в создаваемом в рассказе контексте проявляются все его значения; и сценического представления, и несчастья, тяжелого события, приносящего глубокие моральне страдания.

По сюжету рассказа рутина суда превращается в фарс, когда и председатель, и члены суда забывают, для чего собственно они собрались. Они увлекаются неожиданно появившейся возможностью превратить их рутинное заседание в оживленную дискуссию по поводу того, возможно ли такому свидетелю, как проститутка, присягать на Евангелии.

Слово *привычный*, является в рассказе частотным, что подчеркивает обыденность, рутину суда. И вот все, что казалось настолько привычным, внезапно наталкивается на неожиданный отказ женщины-свидетеля присягнуть. И тогда весь суд занят тем, как найти способ уговорить ее сделать это. Весь процесс начинает выглядеть гротескным и нереальным. Сложившаяся обстановка контрастирует с привычной. Основные художественные приемы, использованные Л. Андреевым в рассказе «Христиане» – это преувеличения, доходящие до гротеска. С помощью преувеличений описано поведение участников суда, из высказывания, позы, ораторские приемы. Например, вот как показаны кривляния адвоката: *Затем он снова поворачивается к присяжным, окидывает их светлым и открытым взором и внезапно глубоко задумывается, опустив голову. Обе руки его подняты на высоту груди, глаза крепко закрыты, брови сморщены, и весь он имеет вид не то смертельно влюбленного, не что собирающегося чихнуть. И присяжные и публика смотрят на него с большим интересом, ожидая, что из этого может выйти, только судьи, привыкшие к его ораторским приемам, остаются равнодушны. Из состояния задумчивости защитник выходит очень медленно, по частям: сперва упали бессильно руки, потом слегка приоткрылись глаза, потом медленно приподнялась голова, и только тогда, словно против его воли, из уст выпали проникновенные слова: – Господа судьи и господа присяжные заседатели!*

В рассказе Л. Андреева не просто описан курьезный случай, но и вскрыта фальшь общественного и церковного лицемерия, рутинности судебных разбирательств, ограниченность людей, занятых в судопроизводстве.

Несколько рассказов А. И. Куприна, творчество которого характеризуется «широтой охвата и глубиной художественного исследования различных сторон современной писателю действительности» [4, с. 12], также посвящены описанию суда.

Так, среди натуралистических очерков и фельетонов А. И. Куприна, входящих в цикл «Киевские типы» (1896) есть, например, один, который называется «Лжесвидетель». Писатель представляет замеченный им тип людей, готовых выступить свидетелями чего угодно и когда угодно. Дается описание их внешности, поведения, предлагается их классификация по роду деятельности. Лжесвидетели, по Куприну, бывают «*у аблаката*» и нотариальными, а также свидетели во время бракоразводных процессов. Описание типов лжесвидетелей доказывает формальность и преступность процедуры свидетельствования в России XIX в. П. Н. Берков, один из исследователей творчества А. И. Куприна, отмечает, что многому из написанного писателем можно найти прототип [1]. Типизация и обобщение – это те главные средства, с помощью которых Куприн создает определенный социальный тип людей.

Еще один рассказ Куприна «из зала суда» называется «Чужой хлеб» (1896), в одном из первых изданий вышедший с подзаголовком «психологический этюд». В нем дан психологический портрет преступника и подробно описан суд и действия его участников.

Председатель суда, предоставляющий последнее слово обвиняемому, показан равнодушным, уставшим человеком. Сама обстановка суда – подавляющая, торжественная. Мундиры судей, обивка из золота, величественные портреты по стенам, *публика за барьером, суетливые пристава, исполненные достоинства присяжные, олимпийская небрежность прокурора, бессодержательная развязность защитника* – все это воздействует на людей, на обвиняемого. *Ему казалось, что он попал под зубья какой-то гигантской машины, остановить которую хотя бы на мгновение не в силах никакая человеческая воля*. Описание обстановки писатель перемежает с оценочными характеристиками. Обвиняемый – жалкий человек холерического типа, до слов председателя о предоставлении ему последнего слова держался равнодушно, безучастно и замкнуто. Получив возможность последнего слова, он начал свою исповедь. Он рассказал о своей жизни приживальщика у богатого родственника, которая была полна унижений; в нем копились раздражение и ненависть, что и привело его к преступлению – поджогу. Данный рассказ психологичен и социален. Он лишен юридических оценок содеянного обвиняемым, в нем нет окончания, благодаря которому стало бы ясно, как будет он осужден и как сработает машина правосудия. Сам повествователь в нем как бы отстранен и предоставляет читателю самому смотреть на происходящее и делать выводы.

Определенную роль в репрезентации концепта «суд» в творчестве А. И. Куприна играет и рассказ «Суламифь», переложение Библейской Песни Песней. В рассказе есть эпизоды суда, творимого царем Соломоном, с которым сложился символический образ самого справедливого судьи. Умение Соломона сделать истину очевидной и справедливость наглядной; его беспристрастность являются теми качествами, за которые он приобрел славу наимудрейшего и самого справедливого правителя. Следует добавить и еще одно важное качество Соломона как символа справедливого суда, – его милосердие. Беспристрастность, справедливость и милосердие, – вот те качества, которыми в идеале должен обладать судья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Берков П. Н. А. И. Куприн: Критико-библиограф. очерк. М.–Ленинград: Изд-во АН СССР, 1956. 191 с.

2. Голяков И. Т. Суд и законность в русской художественной литературе XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1956. 168 с.

3. Кони А. Ф. Ф. М. Достоевский // А. Ф. Кони. Воспоминания о писателях. Сост., вступ. ст. и комм. Г. М. Миронова и Л. Г. Миронова. М.: Правда, 1989. 656 с.

4. Кулешов Ф. И. Творческий путь А. И. Куприна. Минск: Изд-во БГУ, 1983. 352 с.

5. Нестеренко К. В. Репрезентація концептів «суд», «правосуддя» в різних картинах світу // Лінгвоправова картина світу: сучасні проблеми лінгвістики та іншомовної дидактики: монографія. Харків: ХТМП, 2012. С. 160–208.

6. Тюпа В. Художественность чеховского рассказа. М., 1989. 133 с.

7. Чуваков В. Н. Комментарии // Л. Андреев. Собр. соч. в 6-ти тт. Т. 1. М.: Худож. лит., 1990. С. 538– 637.

8. Толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vedu.ru/ExpDic/34258 . Дата обращения 21 марта 2018.

(Статья поступила в редакцию18 февраля 2018 г.)